

УЛЯ НОВА

ПТИЦЫ

ГОРОДА

Улья Нова

Птицы города

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3951035

Аннотация

Героями повести становятся синицы, вороны, голуби, наполняющие человеческую жизнь заразительным, тревожным и прекрасным шелестом крыльев. Маленькому мальчику кажется, будто дед привязывает к его спине крылья и сталкивает с водонапорной башни. Птица с ужасом осознает, что превращается в человека. Разные люди рассказывают свои истории...

Содержание

Авгур	5
Перья	7
Разговор с охранником офисного подвала	9
Сон птицы	10
Вороны	11
Соловей	13
Орлы	14
Куры	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Улья Нова

Птицы города

Зачем птицам деньги. Зачем нам деньги.

А птицам и вправду не нужны банкноты и монеты. И метро.

Зато скольким птица жертвует ради полета. Каких необыкновенных усилий это требует.

В скелете птицы имеется киль, и специальное для полета строение ребер, плоских и прижатых друг к другу.

Не может, бедная, на пианино играть. И деньги считать – пальцы верхних или передних конечностей превратились в крыло. Но вся проблема в том, что прежде, чем парить, крыльями надо махать довольно долго. И сильно.

У птицы маленькая голова и в ней небольших размеров мозг с почти отсутствующей корой – для полета мозги особенно и не требуются. Зато требуются «взлеты и падения» с самого детства.

Птице не нужно постельное белье, а можно на любой жердочке или перекладине, поджав ногу, уложив голову под крыло, крепко, но чутко вздремнуть.

И семьи у птицы нет, и никаких обязательств: попела, повстречалась, не понравилось, улетела. Залетела, свила гнездо, снесла яйцо, выходила, вырастила довольно быстро, отперила, куда глаза глядят. Снова свободна, предоставлена самой себе.

Только вот зимой в Москве птицам холодно. И есть нечего. И не скажешь же: пойди, устройся на работу...

Авгур

Сегодня в центре я присела на черную волну мрамора, на разогретый от жары постамент памятника. Самый главный писатель задумчивой и ссутуленной фигурой громоздился над площадью. Неподъемный, он сурово и скорбно нависал над множеством беспечных, легких и плоских людей в розовых маечках, темных очках, шортах, сандалиях. Самый главный писатель царил над всеми, кто бездумно отдыхал, листал журналы, ожидал кого-то, присев на теплый мрамор его постамента. Я сидела, вытянув ноги. К моей левой сандалие подошел розово-сизый голубь. До этого он прогуливался мимо ждущих и читающих с видом существа, которое раздумывает, что бы такое выкинуть, чем бы привлечь внимание. Он отличался от прочих голубей приплясывающей походкой, какой-то неуловимой странностью: вытянутая шея, изумленно выпученные бусины глаз, склоненная вбок голова. Этот изумленный, удивленный голубь подошел ко мне, близко-близко, и стал рассматривать цветочки на моей сандалие, вытягивая шею, наклоняясь, словно намеревался клонуть, попробовать один из цветочков на вкус. Он замер совсем близко, украдкой заглядывая мне в глаза. Я протянула руку, если бы хватило смелости, наверное, можно было погладить его по голове. Голубь заметил, что своим абсолютным бесстрашием привлекает внимание. Он постоял еще немного, касаясь крылом бахромы на джинсах. И потом начал танцевать на брусчатке перед моими вытянутыми ногами. Сначала я подумала, что это сумасшедшая, утомленная от городского шума и жары птица. Голубь-чудак. И тогда, конечно же, не удивительно, что он подошел именно ко мне: меня любят чудачки, я отвечаю им взаимностью, я, кажется, иногда понимаю, что они хотят сказать, о чем молчат. И теперь вот в моей коллекции будет еще и из ряда вон выходящий голубь. Мы, в общем-то, понравились друг другу. Тем временем птица плясала перед сандалиями, переваливаясь и прихрамывая. Потом голубь принялся крутиться на одном месте, долго-долго, немного пошатываясь, теряя равновесие, заваливаясь набок. Потом голубь снова застыл и ждал чего-то. У него был залихватский и придурковатый вид. Однажды я отчетливо поняла, что человеку, кем бы он ни был, ни при каких обстоятельствах нельзя смотреть свысока на птиц, считать их низшими существами. На любых птиц, независимо от размаха их крыльев, высоты их полета. Видимо, это тест на гордыню. Его очень легко нечаянно завалить, срезаться в спешке, когда несешься весь такой занятой и увлеченный куда-нибудь, где тебя ожидают, где ты необходим.

Возможно, голубь рассказывал своим танцем о том, что доброта существует в этом городе (в метро я обдумывала свою любимую тему, что в мире вокруг, кажется, существует только меньшее и большее зло, целые матрешки зла, укладываемые одна в другую до бесконечности, кегли зла, выстроенные в ряд, мимо которых надо лавировать на своем маленьком скейте, а кегли все ближе одна к другой, все ближе день ото дня, год от года). Возможно, голубь хотел мне сообщить на общем немом языке, что добро – это всегда чудачество и бесстрашие. Что оно частенько кажется странным со стороны. Что не надо бояться, оно не клюнет в цветочек сандалий, вот оно, совсем рядом, можно запросто протянуть руку и погладить его.

Позже я припомнила, что древние греки уделяли много внимания поведению птиц. Они следили за птицами, предсказывали по их полету будущее, победы или поражения в войнах. Они толковали по нечаянно увиденным птицам свою судьбу. Удачи в любви. И потери. Голубь еще некоторое время постоял рядом со мной. Потом снова немного покрутился на месте. Это внушало тревогу за его здоровье. Вдруг, стало умопомрачительно жаль существо, крутящееся на одном месте в центре огромного города, предоставленное самому себе, рискующее сойти в ума, перегреться, утратить понятие о том, что делать дальше. Я и сама от тревоги за голубя утеряла нить этого дня, позабыла, куда надо спешить. Голубь все кру-

тился на месте, и я начала волноваться, сможет ли он остановиться или в крошечной птичьей голове что-то щелкнуло, шпингалет задвинулся и птица-фрик обречена вечно кружиться на одном месте, пока не потеряет сознание. Может быть, на него надо подуть. Или сказать ему что-нибудь ласковое и заботливое. Тревога длилась не более одного сердечного сокращения. Розово-сизый голубь-шут, приплясывая, переваливаясь, побрел зигзагами прочь, на площадь и незаметно затерялся среди множества других голубей цвета озерной воды. Зато во мне разрушился какой-то тяжеленный, мраморный щит невмешательства и неучастия. Особый щит, ограждающий от действительности, который есть у всех и предназначен для того, чтобы его обладатель как можно меньше замечал и участвовал в том, что происходит вокруг.

А тем же вечером я – начинающий птицегадатель, возвращаясь к метро мимо памятника самому главному писателю, заметила, что и некоторые другие голуби тоже подходят к ногам некоторых других людей, ждущих кого-то и отдыхающих на черной мраморной волне постамента. И некоторые другие голуби тоже приплясывают возле кроссовок и сандалий, крутятся рядом с людьми, ожидая, что им бросят кусочек халы, щепоть крошек булки. Крутятся, привлекая внимание, чтобы им сказали ласковые слова, кинули остаток пиццы, разрушая черные мраморные щиты невмешательства и неучастия, так отягощающие людей. И, значит, эволюция птиц города происходит прямо здесь, на моих глазах. И, значит, эволюция человека тоже не стоит на месте. Но из всех возможных толкований сегодняшнего гадания мне больше нравится версия про голубя-чудака, про отчаянное кружение на одном месте, и про то, что добро где-то совсем рядом и его даже можно погладить.

Перья

Сумочка черная, бархатная, с длинными гибкими перышками и кудрявым мягчайшим пухом вдоль замка-молнии. Вот оно, перышко, мякенькое, извивающееся в руке, невесомое. Улучить момент, когда продавщица зайдет за угол, выдернуть черное перышко и быстро, неуловимо для камеры, пихнуть в карман пальто.

Соберется толпа. Три продавщицы с голубых передниках поверх серых клетчатых платьиц, будут качать головами, охранник будет хмуро поглядывать да в рацию бурчать. Ни грубить, ни бить не будут. Вежливо предложат спуститься на первый этаж торгового комплекса, в лифте серебряном, бесшумном, сказочном, американском, молодежно-журнальном. Поведают по коридору узкому, душному, мимо мусорных ящиков из бара, мимо подземных автостоянок из американских боевиков, приведут в комнатку крошечную: три кресла синей кожи да тумбочка с видео и телевизором. Посадят напротив экрана черного, как глаз мавра. И нажмут кнопку резиновую на пульте японском, не нашем. На посветлевшем экране кто это гладит тонкими пальчиками перышко легкое, черное, невесомое, кто, резко дернув, отрывает его от сумочки дамской бархатной, быстро в кармашек рука с перышком летит.

И заставляют три продавщицы и охранник перышко на столик выложить, на середину серого, под камень, журнального столика. И администратор влетит, грозно руки растопырив, осыпая возмущенными междометиями воздух душной тесной комнатки. И заносят лицо грабителя в face-контроль, теперь полгода во все центральные магазины города нет мне пути.

* * *

«Здравствуйте, а у вас перья есть?»

«Нет, сейчас нет».

«А где их можно найти?»

«Ищите, может быть, в центре есть».

«А что ж вы перьевые ручки продаете, чернила к ним продаете, а перьев у вас нет?»

«Их сейчас редко привозят, раритет».

Перышко большое и увесистое, да вот кое-где обгрызенное. Грязно-серое. Потрепанное, бывшее в употреблении перо, торчит из подстаканника в дубовом буфете, увешенном замками, большущими ключами, игрушечными медведями, мельхиоровыми вилками.

«Почем перышко?»

«Смотрите на бирке».

Вот бирка, приклеена совсем близко к заветному местечку, которое задумчиво макаешь в чернила – «300 рублей».

«Что ж так дорого?»

«Старинная вещь. Есть подешевле – вот».

Подешевле обычная пластиковая палочка, в которую запихиваются железные перья.

«Спасибо, у меня дома такая же, только из слоновой кости. Жаль, что перьев железных сейчас не достанешь».

Где же вы, Стимфалийские птицы! Закидайте, что ли, своими острыми разящими перьями мой карниз.

* * *

В детстве, вечером, подходишь к окну, спрятавшись за штору, как вроде тебя дома и нет, а ты взглядом весь там, на темной зимней улице. Чувствуешь ветер, разносящий по городу запах льда, видишь слегка искрящий при свете тусклых фонарей снег, сушилки для белья во дворе, стоящие друг за другом, будто футбольные ворота без сетки, на которых вымерзают заиндевелые пододеяльники. Светящиеся окна домов, грусть и холод влетают сквозь щели в оконной раме. Нос, прижатый к узорчатому стеклу, превращался в заледенелый пяточок. Незнакомая паника охватывает детскую душу, словно ты на грани откровения, боишься его и в то же время нетерпеливо ожидаешь. Вдруг, чувствуешь себя совсем маленьким, видишь огромное темное пространство, слабо освещенное фонарями и долькой месяца. Пространство, которое надо еще преодолеть, постичь. Хочется без раздумий поскорее лететь туда. Но держат дома тепло и страх.

Разговор с охранником офисного подвала

– Что ты думаешь о птицах? Тебе не кажется, что птицы странные? – спросила я, не ожидая никакого обнадеживающего ответа.

– Да, мне кажется, что птицы странные. Когда я был маленьким, очень хотел поймать птицу. Другие мальчишки у нас во дворе ловили их силками или веревкой, и я тоже хотел поймать голубя. Другим удавалось, потом они не знали, что с ними делать и просто убивали. Но не удалось мне поймать голубя. Когда я подрос, начал кормить птиц на улицах. Это очень здорово – кормить птиц.

– Я знаю. Однажды на Театральной площади я кормила голубей картофельными чипсами. Представляешь... и ели.

– Моя самая первая стихотворная строка была: «когда я умру, то стану птичкой». Позже я узнал, что это почти японская поэзия, но я действительно так думал и думаю по сей день.

И я задумалась, кем стану, когда умру. Хотелось выдать что-нибудь неожиданное, поразить. Ничего не пришло на ум. Я знаю для себя, что буду никем и уйду в никуда. Но никогда никому об этом не скажу.

– Очень интересные птицы стрижи, – продолжал он, – они живут на берегу реки, перед дождем летают совсем низко над водой. Роют норы в песке, заводят семью, выводят птенцов, которые потом роют свою нору. Берег становится похожим на сыр. Так же очень интересны вороны. Мой дядя ходит к автобусной остановке через небольшой парк, и одна ворона стала преследовать его. Представляешь, он идет по дорожке через парк, а птица летит за ним. Так продолжалось год. Потом он ее, кажется, убил.

– Как-то иду к метро и вдруг, около детской поликлиники, чувствую, как кто-то с силой хватается меня за плечи. Хотела повернуться, возмутилась: что это еще за фамильярности. И вижу, на плече-то моем два птичьих пальца с когтями, впивающимися в ткань. Хорошо, хоть, не клюнула со всего размаху в темя. Стала ее сгонять. Она хлопала черными крыльями совсем близко от моего лица. Огромная черная птица. Страшная, особенно, когда бьется у тебя на плечах.

– Говорят, вороны когда-то раньше были людьми. И, если они кого-то преследуют, значит, именно тех, кто им когда-то делал плохо. Преследуют и гадят на головы.

– Когда птицы гадят на головы или на лобовые стекла машин, это к деньгам.

– Не знаю, не знаю. Стою раз на остановке. Весна. Там же на остановке две девушки. Я тогда молодой был. А что, думаю, подойти, познакомиться. Особенно одна мне понравилась. Черноволосая, с черными глазами. Я уже дернулся в их сторону, в этот момент какая-то птица на меня нагадила. Девушки засмеялись, я смутился, достал платок, стал оттирать. Так и не подошел познакомиться. Так вот и не складывается судьба.

Сон птицы

Быстро потемнело, птица заранее устроилась на крыше прачечной, возле трубы, из которой выползал пар. Оглядевшись и продвинувшись на середину конька, птица несколько раз провела клювом по перьям хвоста, нырнула головой под крыло и задремала. При этом она продолжала прекрасно слышать голоса пьяной компании на последнем этаже соседнего дома, шум проехавшей по улочке машины, ночные вопли котов и песню сигнализации. Во сне птицы уже наступила весна, было тепло. Кто-то сыпал крошки в форточку, а птица ела их на карнизе, наблюдая за сумраком в комнате, где жила девушка. Там, на подоконнике, в горшке росло небольшое деревце, валялись непонятные блестящие и черные предметы, один из них был особенно страшным, с большим выпученным глазом, в зрачке которого отражалась птица.

Что-то произошло, и птица оказалась в комнате, ей было не по себе, лапки и крылья непривычно болели и словно вытягивались, становясь длинными и неуправляемыми. В комнате было душно, пахло сухими плодами, шерстью, шиповником и хвоей. Птица хотела было вылететь в открытую форточку, но с ужасом обнаружила, что крылья превратились в длинные тонкие плети, заканчивающиеся пятью маленькими отростками, которыми, как ни маши, взлететь не получается. Ноги тоже невероятно вытянулись, стали тяжелыми и неуклюжими. Птица никак не могла приспособиться, не понимала, что с этим делать, как управлять своим новым телом.

За окном на карниз сел голубь. Птица кое-как приблизилась к окну, но голубь, испугавшись, улетел прочь. Птица залезла на подоконник и тоскливо наблюдала, что творится за окном. Стало холодно, она укрыла свое голое, потерявшее все перья тело серым свитером. Прошла на кухню, отломил горбушку черного хлеба, разжевала, стоя у окна. На коньке крыши дома напротив, около трубы, она увидела девушку, которая спала, уложив голову под крыло.

Вороны

Во дворе по соседству с «Кукольным театром», возле небольшого скверика, в луже стоят пять ворон. Настоящий спектакль – пять больших черных птиц, страшных и смешных, зловещих и довольно-таки неуклюжих, стоят в черной луже, отражающей небо. И внимательно смотрят на кусок сала размером с кулак. Кусок этот лежит посреди лужи, а участники пира стоят вокруг, можно сказать, по колено в воде. А клюют строго по очереди, проявляя удивительное уважение друг к другу. Сначала клюет одна ворона, потом начинает другая. Остальные наблюдают, вкусно причмокивая, запивают из лужи. И лишь однажды, самая нетерпеливая и голодная из пяти, вдруг, наклонила голову близко-близко к воде и украдкой, жалобно и нетерпеливо клюнула не в свою очередь. Но тут же пристыжено отодвинулась, наблюдая за реакцией компании. Мимо прошла женщина со спаниелем. Птицы тут же взметнулись на чугунную изгородь скверика, на гараж-ракушку. Переждали некоторое время и вскоре медленными прыжками-перелетами, несколькими взмахами больших черных крыльев, вновь собрались в луже, возобновили пир.

* * *

Царицынский парк под проливным дождем. В развалинах Оперного дома лишь кирпичные стены с мощными готическими окнами и нет крыши. Мы, спрятавшись под ржавую балку, похожую на обглоданное ребро, жмемся от шустрых капель, которые настаивают. Никого нет поблизости кроме ленивого, недовольного усиливающимся дождем и необходимостью совершать обход милиционера. На одной из скамеек, под вековыми липами, какая-то рассеянная ворона нахохлилась и мокнет, не желая позаботиться об укрытии, прогуливается туда-сюда, безразлично наблюдает за нами, не пугается, не улетает, а сидит себе и покорно мокнет. Ворона-мученица.

* * *

Куда деваются птицы во время дождя? Забираются под листочки и ветки, в узенькие чердачные окошки, жмутся на карнизах к оконным стеклам, забиваются в щели и углубления лепнины особняков?

В Лефортовском парке, под дождем, на дорожке собралась компания ворон, они разгуливают, выискивая что-нибудь съестное на мокром газоне, сидят на железных холодных лавочках, и, кажется, не обращают совершенно никакого внимания на дождь. Вороны-хиппи.

* * *

Летом в небольшом скверике под окнами развелось множество ворон, соседи по дому их не любят, считают страшными, предвещающими всякие беды. У ворон много внешних признаков страшного, как нос с горбинкой у колдунов и старух, как черные траурные ленты. Начиная с шести утра, заглушая привычные звуки метлы дворника, всему двору слышны грубые сиплые голоса ворон. Сквозь сон кажется, что большие черные птицы смеются над городом.

Зато зимой, когда я возвращаюсь домой, ковыляя по дорожке от метро, с черных крыш, колющих небо крестами антенн, из замерзших ветвей деревьев, в темноте, большие черные

птицы издают синтетические крики, похожие на звуки электронного ксилофона. Наполняя многоголосным стаккато морозную тишину окраины.

* * *

«Мужчина и женщина спали. В открытое окно влетело что-то большущее, черное и начало кружить по комнате, задевая вазы на шкафу и икебаны с засушенными травами. Проснувшись в испуге, прижавшись друг к другу, мужчина и женщина наблюдали за смятением непрошеного гостя. Наконец, мужчина поднялся с постели, схватил лежащую на полу ночную рубашку женщины и загнал ею трепещущее существо в кладовку, к своему удивлению обнаружив, что это вовсе не ворона, не галка, предвещающая смерть, и не бес, а небольшой крылатый инопланетянин. Утром приехали два специалиста из исследовательского института, один близорукий, другой дальнорезкий, именно поэтому и работавшие в паре. Им удалось поймать существо в небольшое устройство, принципом работы отдаленно напоминавшее пылесос. Мужчину и женщину настоятельно попросили никому о происшедшем не рассказывать. Но женщина рассказала обо всем уже через два часа, в очереди за куриными ногами».

Соловей

«Что соловей? Замолкнет и все – серая птичка». Когда увидела Левика впервые, я так и подумала: «серая птичка».

Мы сидим у него в студии. Левик – это невысокий молодой человек, лет двадцати семи, у него худящее тело и никогда не было девушек. Зато он довольно известный, многообещающий фотограф. И мужчин у него было намного больше, чем у меня. Последние полгода он похудел в два раза и что-то всегда один. Уж не заболел ли? Но об этом я стесняюсь поинтересоваться, спрашиваю, что он думает о птицах.

– Вчера я читал «Замок» Кафки, и в форточку влетел голубь.

Перехватив мой озадаченный взгляд, он продолжил:

– Ничего в комнате не пострадало, полетал, ударился пару раз в стекло, потом я раскрыл раму и он вылетел наружу.

– А кто в квартире был кроме тебя?

– Я был один, раздумывал насчет нашей выставки, читал.

Что-то холодное тоскливое растеклось по мне после этого. Иногда, в кошмарных тяжелых снах, разглядывать которые приходится сквозь завесу тумана и дыма, мне видится птица, влетающая в комнату, я с ужасом наблюдаю сизое или серое тело под потолком. Я просыпаюсь, тяжело дыша, в холодном поту, обвожу безумными глазами свою комнату, ищу возможность поскорее забыть ужасный сон. Боюсь ли я смерти? Да, в той же самой степени, в какой ее боится любой человек. Но почему-то мысль о том, что птица влетела в квартиру, вызывает у меня панический ужас. Ведь это предвестник, знаменье скорой смерти. Как не подлежащий обжалованию приговор.

Лева почувствовал, что мне нехорошо. Он срывается наливать воду в белый японский чайник, чтобы сделать кофе. Два часа назад я с радостью спешила сюда. Мы обсуждали предстоящую выставку. Там будут его и мои работы. Несколько фотографий птиц в самых неожиданных ситуациях. Мы решили сделать не просто таблички с названиями, а маленькие статьи-комментарии к фотографиям.

Лева появляется с двумя чашками кофе, мы сидим на диване-пуфике ярко голубого цвета, помещение освещено извилистой лампой на серебристой ноге, от которой свисают изогнутые светильники-цветы с гнущимися стебельками, похожими на шланг душа. Вон там, на больших мраморных квадратах кафельного пола лежит Левин фотоаппарат, из углов залы, в центре которой небольшая белая сцена, на нас смотрят слепые потухшие прожекторы. Левины фотографии печатают в глянцевах журналах Москвы, летом в Гамбурге прошла его персональная выставка, но, судя по всему, сейчас уже все это Левика мало радует. Вот он ставит чашечки кофе на черный мраморный столик, отодвинув на край пепельницу, похожую на бесформенный слиток серебра. У него тоскующие водянистые глаза. И остались-то от него, кажется, одни глаза. А ноги нужны, чтобы глаза передвигались в пространстве.

Орлы

Еще доля секунды и меня здесь не будет, меня не будет нигде. Я – ощущение, наполненный гелием шар, привязанный, скажем, к железной спинке кровати. Рано или поздно ниточка оборвется или кто-нибудь отвяжет ее. И тогда ничто не остановит, я скакну к потолку, легкая, пачкаясь в побелке, буду двигаться к окну, сквозняк прогонит прочь, я полечу выше и выше, в серо-молочную высоту зимнего неба.

Когда Зевсу надоедал его Олимп, вечно прихрамывающий, ворчащий из-за отсутствия супруги-Афродиты, перепачканный сажей Гермес, когда нектар казался приторным, а небо – жестким, Зевс швырял в угол свой молниемет и превращался в орла. Превратившись в орла, широко раскинув крылья, вытянув шею, он кружил над землей, камнем падал в какой-нибудь уютный дворик, где ребенок играл в песке. Он хватал ребенка своими мускулистыми лапами с когтями и уносил на небо. Так появлялся новый слуга.

Какие-то тиски сжимают повсюду. Пытаюсь представить эти тиски. Пытаюсь перевести ощущение в образ. Четко вижу свою маленькую фигурку, зажатую в когтях огромной птицы. Ее цевка с массивным серо-черным когтем вдавливается на уровне моего желудка. Чешуйчатая кожа серо-коричневой ноги и массивное тело, которое я не могу увидеть. Большая сильная птица несет меня куда-то. Дружим мы с ней или нет, не известно. Я приблизительно знаю, чего хочу, но не знаю, чего хочет от меня она, потому что никак не могу увидеть ее целиком. Да и кто видел ее, может быть, только Христос. Моя птица отнюдь не белый голубь, появляющийся из разверзшихся облаков. Пытаюсь представить ее. Но почему-то, вместо воображаемой птицы, вижу перед глазами белого гипсового орла с моста Муссолини, гордо сидящего над Тибром. Страшное тянет меня опять?

* * *

Я стояла в сторонке, рассматривая красные флаги, множество флагов, они все развевались на ветру, а люди, державшие их, казались маленькими и неприметными. Я стояла в сторонке, ощущая восторг и праздничное воодушевление, хотелось примкнуть, быть вместе, слиться с ними. И тянуло. И не было повода нырнуть в толпу, держащую красные флаги, перегородив движение по Тверской до самой Манежной площади. Я же не работаю в банке, у меня нет ни собственного бара, ни магазина. Два года назад я закончила институт, полтора года назад рассталась со своим парнем, год назад занялась фотографией и сейчас, как назло, фотоаппарата с собой нет, значит, нет повода каким-то образом соотноситься с происходящим. Красные флаги на скрипучем морозце конца февраля. Черно-белые, размытые кадры начала прошлого, двадцатого века. Черно-белые кадры: фашистские знамена бросают к стенам Кремля. И снова красные флаги, прямо на Тверской, словно ничего не изменилось, словно все только скрылось на время. Полотнище похоже на птичье крыло. Оно кружит над толпой. А я стою в стороне и ищу повод присоединиться. Вон у тех людей на руках повязки, как у дружинников восьмидесятых, на фоне белого круга, обведенного тонкой красной каемкой, черные серп и молот. Издали это напоминает свастику. Я испытываю тот самый восторг, полет и страх, какой чувствовала, разглядывая фигуры орлов на мосту Муссолини, и уже после, читая Ницше. Орлы были белые, гипсовые, статно восседали над притоком Тибра и над проспектом, маленькие и побольше, гладенькие, ни одного нахохленного неаккуратного перышка, только граффити кое-где. И флюгеры-вертушки крестов. Безудержные восторг и страх заставляют меня лететь. Это тяжело, серьезно. Это грозно. А я очень легка, меня вечно подхватывает ветер и уносит куда-то выше всех этих громад. Вот и нашла нечто

общее между собой и флагом. Надо не забыть и рассказать об этом кому-нибудь. Попробовать передать словами упоение легчайшей, тончайшей пустотой, чистотой и прозрачностью. Красные флаги так красивы на фоне серо-молочного неба. Сквозь головную боль февраля ощущать их трепет. Крылья, пытающиеся взлететь. Готовое сорваться стихотворение. Кто-то закрывает мне глаза пальцами, я слышу смех за спиной. Оглянувшись, узнаю бывших одногруппниц из института, смеются, спрашивают, что это я стою тут, как столб. Через минуту мы уже в гуще демонстрантов, оказывается, девушки убежденные коммунистки, им надо раздать новый номер газеты с характерным названием «Баррикада». Привлечена к раздаче газет и я. Протягиваю очередной экземпляр, заглядываю человеку в лицо. За пятнадцать минут перед глазами проносятся калейдоскоп лиц, людей, чьи руки держат древки знамен и транспарантов, а губы кричат о ненависти к нынешнему режиму и правительству. Здесь все вперемешку, молодые и старые. Старые здесь потому, что их спихнули. Молодые потому, что трудно спихнуть тех, кто основательно уселся на тепленькие места. Тетушка лет пятидесяти с черно-бело-коричневой фотографией Джугашвили. Заглядываю ей в глаза, это длится долю секунды, пока ее рука выхватывает из моей газету. Я проникаю взглядом в ее напряженные суженные зрачки: она очень замерзла, устала и хочет есть. У нее тонкое коричневое пальтишко, а сейчас, наверное, минус десять, если не больше. И вот снова эти тинэйджеры с квадратным плакатом, где на белом фоне – черный серп и молот. Я превращаюсь в машину, автоматически протягивающую газету, все сливается в черно-красное месиво на фоне серо-молочного неба и головной боли. Что для меня Ленин и Гитлер, почему я испытываю такой восторг сейчас, и тогда, на мосту Муссолини? Агрессия и энергия. Где они брали энергию?

К кому бы присосаться, получить хоть капельку сил, хоть немного тяжести и веса, иначе рано или поздно нить оборвется, и я улечу. А девушки-коммунистки бодро идут по обе стороны от меня, переговариваются, кивают знакомым, суют в руки газеты. Они продают книги, цветут и довольны всем, кроме нынешнего режима. Неожиданно для них и для себя, по дороге к метро Охотный ряд, я спрашиваю, что они думают о птицах.

– Я не люблю птиц, птицы мерзкие, – орут они почти хором, выпуская в мутное февральское небо пар.

Поезд битком набит усталыми, измученными работой людьми. Пропускаю его, сижу на лавочке, прижавшись к мраморной стене мавзолея метро. Катаю по ладони три монетки достоинством один рубль каждая, украшенные сиамским близнецом – двуглавым орлом. Люди в этом городе гнут спины в среднем за тысячу, ну, полторы тысячи двуглавых орлов в месяц. Двуглавые орлы бывают маленькие, средние и большие. На три маленьких двуглавых орла можно целый день кататься туда-сюда на устаревших и грохочущих поездах метро. На пять маленьких двуглавых орлов или на одного большого можно приобрести булку. На пятнадцать маленьких можно купить пачку сигарет или презервативов. На двадцать пять маленьких двуглавых орлов – зеленую книгу серии «Азбука-классика». Двухголовый мутант возродил некогда угасшую лихорадку. Люди города снова судорожно кинулись на ловлю любыми средствами этих загадочных птиц.

Куры

– Какая-то худосочная, жилистая курица, – сказал мужчина, отрывая зубами кусок от куриной ноги.

– Наверное, много пила, курила, занималась сексом и совсем отошала. Отчего же курице еще отошать, летать-то она не умеет.

– Да уж: ты у меня – не царица, курица – не птица, у нее и крылышки-то... – он вертит перед лицом женщины дохленькое, покрытое поджаристой кожицей куриное крылышко. Они беззаботно смеются.

Нынче курица-гриль – сто двадцать рублей штука. Но куры-гриль интересны не только этим. Есть один человек, имя его переводится с югославского примерно как «тот, который ничего не боится». Раз в полгода мы видимся. Недавно он пригласил меня в кино. Под проливным осенним дождем, кутаясь в короткое вельветовое пальтецо, сожалея о стекающей по щекам туши, вздыхая, что не произведу на него предполагаемого неизгладимого впечатления, я ждала, когда же он наконец усадит меня в какую-нибудь из своих машин и повезет в кино. Он опоздал на полчаса. Когда-то я была его первой любовью в возвышенном и непошлейшем смысле. Теперь я жду его полчаса под аркой, от которой убегает та улочка, где познакомились Маргарита и Мастер. Подъезжает черная машина (в темноте октябрьского вечера они все черные), в приоткрытом окне вижу расплывшееся лицо моего давнего ухажера, он делает знак рукой, чтобы я подходила. Интересно, он хотел, чтобы я ждала его здесь, рядом с Тверской. Или ему настолько все равно, что он даже не задумывается о таких мелочах, «ну и ладно, подождет». Сажусь, разглядывая его искоса. Он обрюзг и небрежно одет. Как потухший кусок железа, который не так давно был метеоритом. Частью звездного дождя. Не блещу и я. Что ж, так всегда. Между тем мы продвигаемся по городу, и он объясняет, что в кино мы уже давно опоздали. Придется поехать в гости к одному другу. Неужели во всех кинотеатрах Москвы одновременно и давно начался фильм? И мы везде опоздали?

Чтобы как-то поддержать разговор и не молчать, спрашиваю, как сейчас в Белграде. Он отвечает, что у него там много родственников, но никто не пострадал, все уже привыкли. «С каких это пор ты стала интересоваться такими вещами», – удивился он, и мне захотелось замолчать.

Подъезжаем к дому друга на Фрунзенской набережной. В лифте «ничего не боящийся» (так и не научилась правильно выговаривать его имя по-югославски) здороваются с полной женщиной в квадратных офисных очках, которая оказывается мамой друга. Украдкой рассматриваю «ничего не боящегося» искоса. Его черные как смоль, жесткие волосы взъерошены, глаза похожи на глаза тоскующего ньюфаундленда, и он здорово обрюзг. Теперь понимаю, почему раньше, когда мы частенько ходили в югославское посольство есть традиционные блинчики, он говорил, что худеет и пил минеральную воду. С тех пор прошло четыре года, мы оба очень изменились. Сейчас мы стоим в прихожей большущей квартиры, отремонтированной по европейским стандартам, о мою ногу трется черная египетская кошка сфинкс. В дверях одной из комнат возникает Вася, я с трудом узнаю бледного молодого человека, которого мы как-то встретили в клубе Дворца Молодежи. Да, Вася повзрослел. Он заспан, зол и небрит. Нас приглашают на кухню. Мы садимся: я, «ничего не боящийся» и Вася. Васина мама стоит, прислонившись к кухонной тумбочке, и воодушевленно рассказывает о своем новом бизнесе – сети киосков «Куры-гриль». Предлагает ребятам развезти кур, всем, кто заказывает обеды в офисы, в банки. «Ничего не боящийся» и Вася сосредоточенно слушают. Вася попутно старательно пережевывает перемолотые зародыши пшеницы и предлагает нам, утверждая, что для потенции это очень помогает. Мне захотелось домой. Никому нет дела до моего настроения, все увлеченно обсуждают выгоду вступления в биз-

нес кур-гриль. Женщина в квадратных очках рассказывает о расценках и курит. Раздается кашляющий дверной звонок. Засуетились, понизили голоса – пришел Васин папа. Вскоре он показался в дверях кухни. Папа как папа, лет пятидесяти, очень усталый и голодный после работы. Только он как-то уж очень властно и даже несколько зловеще спросил, будто никого на кухне не было «как зовут», просверлив меня холодными стеклянными глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.